

ОТДѢЛЪ ПРОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Нѣсколько словъ о хурулахъ, богослуженіи и празднествахъ, отправляемыхъ калмыками, кочующими въ предѣлахъ Астраханской губерніи.

(Продолженіе) (1).

Въ день майскаго (*хонинъ*, или *хонинъ-сара*) полполуниа, бываетъ праздникъ *Юрвсз-Сара*, или правильнѣе *Урвсз-Саръ*. *Урв*—значить: „потомство, сынъ, плодъ“. Простой калмыкъ, встрѣчался съ незнакомымъ кочевникомъ, если желаетъ спросить его: имѣеть-ли онъ дѣтей?—Обыкновенно говоритъ такъ: *кюбютэ-бю-та*—собств. „съ дѣтьми-ли вы?“—Но если встрѣчаетъ *зайсана*, *нойона*—„владѣльца“, то этъ-же вопросъ выражаетъ такъ: *урэтэ-бю-та?*—собственно: „съ потомствомъ-ли вы?“—Значить, *Урвсз-Саръ*—праздникъ благополучнаго приплода животныхъ и полнаго развитія степной растительности. Въ мартѣ, апрѣлѣ и началѣ мая, ягнятся овцы, телятся коровы, жеребятся лошади, плодятся и верблюды. Къ маю, новый приплодъ скота уже выходитъ на пастбища, вмѣстѣ съ своими матками; степи покрываются обильною травой. Почему, въ этотъ день, кочевники празднуютъ счастливый переходъ на лѣтнія кочевья и размноженіе ихъ скотоводства. Этотъ праздникъ болѣе народный, нежели религіозный.

Въ праздникъ *Урвсз-Саръ*, всѣ хурульныя кибитки переносятся на зеленую траву, разбиваются дверями на востокъ; украшаются зелеными вѣтвями деревь, если только онѣ подъ руками имѣются. Всѣ отливныя изображенія бурхановъ ставятся подъ *лаври*, зеленого цвѣта. Также и кибитки простыхъ калмыковъ украшаются зеленью, вѣзъ травы, а если близко растутъ лѣса, то и зелеными вѣтвями деревь. Въ прежнія времена, когда въ калмыцкихъ улусахъ были состоятельные владѣльцы, въ ихъ кибиткахъ, на праздникъ *Урвсз-Саръ*, вблизи *большаго барана*, (такъ, въ кибиткѣ кочевниковъ называется мѣсто, на сѣверо-западъ отъ кровати (*орондокъ*), гдѣ обыкновенно развѣшиваются священныя картины, или виситъ, прикрѣпленный къ началу *укинъ*, деревянный ящикъ (*хайрчикъ*), въ которомъ хранятся рукописи, именуемыя *номъ*; а въ просторѣчии *бурханъ*; мѣсто же—на сѣверо-востокъ отъ кровати, называется *малый-баранъ*), утверждали большую вѣтвь зеленого дерева, какъ эмблему отраднанаго благополучнаго лѣта. Дерево это, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по вѣтвямъ, обвивали чистой бѣлой овчиной, въ знакъ желанія, чтобы умножалось улусное скотоводство, и народъ былъ

(1) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. №№ 7, 8, 9 15, 16, 19, 20, 21, 22 и 23.

благополученъ, — (такъ-какъ въ началѣ марта каждаго года, при рѣзкихъ переходахъ отъ тепла къ холоду, кочевники умираютъ отъ оспы, которая по калмыцки называется — *цэцэнэ*; а въ простонародіи *чичикэ*, по буквальному переводу: „цветокъ“). Дерево перенятали разноцвѣтными лентами и тесьмами, во изъявленіе всеобщей радости. Говорятъ, что это дерево, поставленное въ кибиткѣ владѣльца, оставалось на своемъ мѣстѣ даже и тогда, когда владѣльческая ставка перекочевывала на другое мѣсто.

Въ праздникъ *Урэсэ-Сарэ*, состоятельные калмыки, приносятъ гелюпгамъ по нѣсколько фунтовъ муки, изъ которой духовенство приготовляетъ круглые, къ верку нѣсколько заостренные, прѣсные хлѣбы, съ изображеніемъ *Очира* („сипитра, жезла“), изъя для сего нарочито устроенныя металлическія формы. Приготовленные хлѣбы ставятся въ хурулѣ, предъ бурхапами, на жертвенномъ столѣ.

Утромъ, когда раздается звукъ заунывной раковины, призывающей духовенство къ богослуженію, оно собирается въ хурульную кибитку, для того, чтобы молить *Бурхынэ-Бахиу* — опъ-же и *Шанджи-Муни* — о томъ, чтобы этотъ міроправитель излилъ свои милости какъ на людей, такъ и на улусное скотоводство. Въ то время, когда собравшееся духовенство совершаетъ въ хурулѣ молитву, пастухи подгоняютъ табуны лошадей, а иногда и стадо коровъ. Гелюпги, окончивши хурульную молитву, въ полномъ составѣ, выходятъ изъ *Бурхынэ-Орэ* въ степь, подходятъ къ собравшимъ животнымъ. Одинъ изъ очередныхъ гелюпговъ опрыскиваетъ стада смѣсью коровьяго молока и масла. По окончаніи крошенія, продолжающегося не долгое время, безъ пѣнія и безъ священныхъ одеждъ, гелюпги обходятъ во-кругъ кибитокъ всей *юри* и расходятся по своимъ жилищамъ. Лошадей и стада пастухи отгоняютъ въ степь, на пастбища. Въ хурулахъ, кочующихъ близъ рѣкъ или племней, гелюпги, вышедши изъ хурульной кибитки, прежде нежели подойдутъ къ табуны лошадей, пускаютъ на воду хлѣбы, принесенные въ жертву бурхапамъ, въ видѣ жертвоприношенія водѣ, чтобы она, въ теченіе наступившаго лѣта, въ избыткѣ напаяла землю и стада кочевниковъ; а потомъ уже идутъ кропить табуны.

Случается, что въ нѣкоторыхъ кибиткахъ, богатыхъ калмыковъ, на праздникъ *Урэсэ-Сарэ*, иногда утверждаютъ зеленѣющее дерево, кибитки-же разбиваются на зеленой, еще не помятой травѣ. При этомъ совершается слѣдующій обрядъ: Одинъ табушникъ стоитъ у дверей вѣхъ кибитки и держитъ

тазь съ жидкостью изъ масла и молока; а другой — стоять внутри кибитки у порога, и, черезъ отворенную дверь, маленькою чашкою черпаетъ у товарища жидкость и старается плеснуть оную такъ, чтобы она попала въ *царьки* (дуги надъ *хараачиной*) верхняго отверстія и орошила-бы всю внутренность кибитки, а также и водруженное въ ней зеленое дерево. Удачное исполненіе этого обряда предвѣщаетъ хозяину благополучіе въ наступившемъ лѣтѣ; не удача-же служить плохимъ предзнаменованіемъ!..

Праздникъ *Майдаринъ гэгэнъ* — поклоненіе лику Майдари — бываетъ въ день августовскаго (*нохо-сара*) полнолунія. Его можно назвать осеннимъ праздникомъ. Здѣсь *Майдари* чувствуется, какъ живущій бытъ преемникомъ правленія міромъ, послѣ нынѣшняго міроправителя *Шаджи-Муни*. По ученію буддистовъ, люди послѣднихъ временъ правленія *Шаджи-Муни* будутъ жить по 10 лѣтъ; ростъ ихъ будетъ не выше аршина; самыя лошади будутъ не больше зайца. Наконецъ ужасныя бѣдствія истребятъ почти всѣхъ живущихъ на землѣ; земля очистится огнемъ и водою и вновь настанетъ вѣкъ блаженства. Обитатели земли опять получаютъ утраченное ими долголѣтіе; слѣдуя внушеніямъ добродѣтелиѣйшаго бурхана *Майдари*, который удивитъ смертныхъ своими совершенствами, сініемъ и красотою. Люди приобретутъ возможность пользоваться возрастомъ до восьмидесяти тысячъ лѣтъ; и, что всего важнѣе, въ этомъ вѣкѣ, владѣть землею будутъ уже не мужчины, а женщины!

Чтобы нѣсколько уяснить это вѣрованіе буддистовъ, для читателя, не знакомаго съ ихъ генеологіею, — а ламайское ученіе составляетъ одну изъ сектъ буддизма, — не лишнимъ считаю сдѣлать выписку изъ сочиненія преосвященнѣйшаго Нила, о буддизмѣ, (стр. 37), въ которомъ излагается слѣдующій разсказъ о буддійской теогоніи:

„По сказанію, монгольскаго сочиненія *Чихула-Кэренлэчи*, пишетъ преосвященнѣйшій Ниль, между первыми царями золотого вѣка, былъ особенно замѣчательнѣе доблестями ума и сердца *Загарвадонъ*⁽¹⁾. Подъ скипт-

(1) Въ монгольскихъ сочиненіяхъ одни и тѣже бурханы и ихъ родоначальники носятъ нѣсколько именъ. Это зависитъ частію отъ того, съ какого языка составитель легенды заимствуетъ имя, съ индійскаго, тангутскаго, тибетскаго или монгольскаго? Частію отъ того, къ какому времени ихъ перерожденій, относится повѣствуемое событіе? Такъ-какъ въ каждомъ перерожденіи бурханъ получаетъ новое имя. Такъ: Саддани — отецъ Шаджи-Муни — въ монгольскихъ рукописяхъ называется царемъ Ариунъ-Огигату. „Сиддартъ“ и т. под. — По разсказу же сочиненія Чихула-Кэренлэчи, Загарвадонъ является отцемъ Шаджи-Муни и другихъ міроправителей нашей планеты! Мать Шаджи-Муни, на языкѣ здѣшняго духовенства, именуется Дарька

ромъ его мудраго правленія, всѣ четыре (*тиба*) страны свѣта благоденствовали. Жены *Загарвадона*, — а ихъ было тысяча три жены — жили въ отдѣльныхъ дворцахъ. Среди довольства и утѣхъ не уклонились отъ правилъ строгой нравственности; особенно дорожили добродѣтелию гостепріимства. Каждый прохожій, а особенно странствующій Браминъ, находилъ подъ кровомъ ихъ и помощь и пристанище. Этого требовалъ отъ нихъ царь, и самъ первый служилъ имъ примѣромъ, внушая, что ни слава и богатство дѣлаютъ челоуѣка счастливымъ, но дѣла милосердія.

Достойный своего вѣка царь лишень былъ утѣшенія имѣть наслѣдника. Это обстоятельство погружало въ мрачную думу все царство и отравляло горестію все веселіе и радость женъ *Загарвадона*, который твердо вѣрилъ, что боги вспомнятъ о немъ и этому испытанію будетъ положень конецъ.

И вотъ, однажды, въ царскій дворецъ заходитъ бѣдный странникъ, преклонныхъ лѣтъ, въ образѣ *хувьрыка*, исполняющаго при хурулахъ низскія служебныя обязанности, — это былъ самъ *Абида-бурханъ*, неузнанный ими. Царицы приняли путника радушно, успокоили, накормили и щедро надѣлили его милостынею. Тогда старикъ спросилъ ихъ: не можетъ-ли онъ быть полезенъ для своихъ благодѣтельницъ? не желаютъ-ли они чего? Тысяча женъ въ одинъ голосъ, отвѣчали: „мы бездѣтны, горимъ желаніемъ имѣть сына наслѣдника“. Старецъ спокойно сказалъ: желаніе ваше исполнится. Черезъ годъ у каждой изъ васъ будетъ по сыну, если только вы исполните то, что я прикажу вамъ сдѣлать. Съ этимъ словомъ старецъ плюнувъ на землю, сказалъ: „Желающія имѣть дѣтей, смѣшайте вотъ эту грязь, образовавшуюся отъ плюновенія, съ землею, и, прибавивъ къ нему масла, сдѣлайте по одной прѣсной лепешечкѣ и съѣшьте“.

Сколь ни странно было такое предложеніе старца, но тысяча женъ исполнили этотъ совѣтъ, съ полнымъ довѣріемъ, исключая трехъ женъ, неучаствовавшихъ въ пріемѣ *хувьрыка*, которые пренебрегли совѣтами странника. Общаніе старца исполнялось; черезъ годъ, домъ *Загарвадона* ликовалъ, торжествуя рожденіе тысячи сыновъ!

При общей радости, во дворцѣ *Загарвадона*, убитыя горемъ три жены, не исполнившія совѣта старца, желая исправить свою ошибку, всюду искали безвѣстнаго старца; но всѣ поиски были напрасны! Существо это покрыто было не проникаемою тайною!

Убитыя горемъ, царицы прибѣгаютъ къ послѣднему средству. Отложивши

всякое высокомеріе, обращаютъ свое вниманіе на то мѣсто, гдѣ плюнуль страпникъ. И, когда оно было указано, царицы горькими слезами оросили землю, взявши горсть ея, и, по данному наставленію, приготовили прѣсныя лепешки и сѣдали ихъ, съ благоговѣніемъ и страхомъ. Чувство смиренія принесло возделенные плоды. Черезъ годъ и остальные три царицы имѣли по сыну, съ красотой, достойною боговъ!

За такое благодареніе *Загарвадонъ* возблагодарилъ *Абиду*, углубивъ свое благоговѣніе къ богамъ и началъ заботиться о воспитаніи дѣтей. Радость цари возрастала, по мѣрѣ того, какъ дѣти приходили въ возрастъ. Ибо отъ перваго до послѣдняго все они были надѣлены необыкновенными способностями и высокими нравственными качествами. Они пламенѣли любовью къ Богу и ближнимъ и готовы были на всякій доблестный подвигъ!

Когда счастливый *Загарвадонъ* почувствовалъ приближеніе къ смерти, призывая дѣтей, сказалъ имъ: дѣти, теченіе моей жизни совершилось. Но прежде нежели я отойду въ царство *Сукавадівовъ* (блаженныхъ), я долженъ исполнить волю отца боговъ. Не надѣлю васъ сокровищами, все земное ниже вашего назначенія! Вотъ таинственные, запечатанные, златыя урны (*алтынг-бумбо*), возьмите по одной, и тогда, когда я умру, откройте ихъ. Только смерть моя даетъ вамъ право узнать тайну, въ нихъ сокровенную. Тогда прославьте *Абиду* и идите неуклонно путемъ, имъ указаннымъ!

По смерти *Загарвадона*, дѣти, отдавъ послѣдній долгъ отцу, волнуясь страхомъ и надеждою, открыли запечатанные златыя урны. И что-же оказалось? Каждая урна содержала предопредѣленіе *Абиды*, относящееся къ тому лицу, которому она досталась. А въ общемъ содержаніи судебъ выражалась та мысль, что *тысяча три сына* *Загарвадона* возводятся на степень боговъ—міроправителей, что каждый изъ нихъ долженъ править *опредѣленное число тысячелѣтій*, разграничиваемыи седмичнымъ числомъ міроправленій; съ свойственнымъ каждому характеромъ, съ избыткомъ добра, или зла. Возвеличенные надъ родомъ смертныхъ, дѣти *Загарвадона*, возблагодаривши *Абиду*, вступили въ чреду міроправленія.

Первый воспользовавшійся этою честью былъ старшій сынъ *Загарвадона* *Шини*. Во время его правленія люди жили по десяткамъ тысячъ лѣтъ, среди покоя и радости, ничѣмъ не возмущаемыхъ. Стихи находились тогда въ постоянной гармоніи и тѣмъ умножали счастье людей. При послѣдующихъ пяти правителяхъ, міръ началъ, мало-по-малу, клониться къ упадку, такъ

что при воцареніи седьмого, т. е. нынѣшняго правителя *Шанджи-Муни* люди жили не болѣе 100 лѣтъ и были игралицемъ страстей. А когда и этому богу придется оставить правленіе, по истеченіи 5000 лѣтъ, то вѣкъ человѣческой сократится, какъ выше сказано, до десяти лѣтъ. И люди того времени не будутъ отличаться отъ безсловесныхъ животныхъ.

Майдари начнутъ свое правленіе преобразованиемъ рода человѣческаго. Это преобразование будетъ продолжаться въ теченіе семи богоправленій. За тѣмъ міръ пойдетъ къ упадку. И это круговращеніе будетъ повторяться до послѣдняго изъ тысячи трехъ боговъ, — *Очирвани*, при которомъ, на нашей планетѣ, произойдетъ необыкновенный переворотъ⁽¹⁾.

(Окончаніе будетъ).

Протоіерей Пармень Смирновъ.

(1) Коснувшись буддійской космогоніи и частію — кончины міра, не лишнимъ считаю сообщить краткія свѣдѣнія о сотвореніи міра и его разрушеніи, по ученію буддистовъ. — Свѣдѣнія о богахъ, участвовавшихъ въ твореніи міра, заимствую изъ сочиненія просвѣщеннѣйшаго Нила; исторію творенія земли — изъ монгольскаго сочиненія *Иэртюмчунь-Тооли* (зеркало міра); а процессъ разрушенія земли — изъ статьи: „Вѣсѣды Морскаго Генрига“, помѣщенной въ монгольской христоматіи г. Ковилевакаго.

Буддисты не называютъ особымъ именемъ творца боговъ и вселенной. Но, въ сочиненіяхъ своихъ, боги *Абиды-бурханъ* называютъ. Всевышнимъ — *дэсэрэ угэ дээду*; — что ясно показываетъ, что, по ихъ понятіямъ, онъ есть отецъ боговъ и творецъ вселенной.

Вещественнымъ началомъ міра, по ученію буддистовъ, послужилъ райскій цвѣтокъ *Бадма-Линхова* (*lotus*), изъ сердцевина котораго *Абиды* призвелъ воздухъ и воздушныя сферы. Утвердивъ міровыя основанія всемогущею силою, *Абиды* въ благо призвалъ остаться въ нѣкоторомъ покоѣ, предоставивъ устройство вселенной и всѣ заботы о ней другимъ. — Въ сочиненіи *Мани-Гамбумъ*, говорится, что божественный *Абиды*, по своему великому милосердію, обращая мысль свою ко благу существъ, испустилъ изъ праваго глаза своего бѣлый свѣтъ и такимъ образомъ призвелъ двухъ боговъ: мудраго *Мандзюшири* и многомощнѣваго *Ариаболу*. — И вотъ первый изъ нихъ, какъ премудрый архитекторъ, началъ дѣло творенія нашей планеты, въ слѣдующемъ порядкѣ, какъ изложено въ сочиненіи *Иэртюмчунь-Тооли*.

До сотворенія нашей планеты, превыше воздушной сферы, существовало неизмѣримое пространство, пустота (*хоосунь*). Въ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ, творческаю силою, съ десяти сторонъ (т. е. съ востока, запада, сѣвера, юга, сѣверо-востока, сѣверо-запада, юго-востока, юго-запада, сверху и снизу) подулъ сильный вѣтеръ, который нагналъ множество облаковъ, сглотнившихъ въ громаднѣйшую тучу. Туча испустила сильнѣйшій дождь, отъ котораго образовалось величайшее, бездонное море, всплывшее въ воздухъ, и только имъ поддерживаемое. Море имѣло форму сердца, потому и вода въ немъ называлась златою сердечною (*алтынъ дзюркэту усунь*).

Бурханъ Мандзюширь, какъ премудрый архитекторъ, назначенный самимъ *Абидою* устроить нашу планету, принималъ самое дѣятельное участіе въ сотвореніи міра. Онъ наполнилъ воды океана разнообразными существами. Изъ множества живыхъ существъ, самое замѣчательное было огромнѣйшая золотая лягушка (*алтынъ мэлэкэ*, или *меклэ*). Это чудоватной величины животное, было крайне прожорливо; ежедневно истребляло множество живыхъ существъ; а обладая необыкновенною быстротою передвиженій, лишило возможности преслѣдуемыхъ спасаться отъ него бѣгствомъ. Тронутый безвыходнымъ положеніемъ живыхъ существъ, обитавшихъ въ моряхъ, бурханъ *Мандзюширь* рѣшился приковать *Золотую Лягушку* къ одному мѣсту. Для чего и призвалъ ее конькомъ, съ длиннѣйшею рукояткою. Этими дѣйствіемъ онъ не умертвилъ громаднѣйшаго животного, а только лишилъ его возможности передвиженій съ одного мѣста на другое. Поставилъ въ необходимость довольствоваться только тѣми существами, которыя сами къ нему подходили. Дрогикъ копыя, которымъ